

ОН НАЗЫВАЛ МАШЕРОВА КРЕСТНЫМ

Новополоцк побратался с подмосковным городом Одинцово в феврале 1999 года. В составе российской делегации на берега Западной Двины приехал великий Куренцов. Любой человек, мало-мальски знакомый с историей тяжелой атлетики, знает это имя.

У Виктора Михайловича олимпийская слава. Более 50 мировых и европейских рекордов. Порядка 150 золотых медалей, завоеванных на топовых турнирах. Почетное гражданство городов Ниигата (Япония), Сомбатхей (Венгрия), Мехико (Мексика). Персональная статья в Книге рекордов Гиннеса.

Во время визита россиян в Новополоцком горисполкоме была сверстана программа сотрудничества. Наряду с бизнес-проектами и культурными обменами, в нее вошла спортивная составляющая. Первый международный турнир на призы олимпийского чемпиона Виктора Куренцова решили провести в октябре 2001 года.

А теперь главное. Величайший штангист мира – наш земляк, уроженец деревни Тухинка Сенненского района, что на Витебщине. Война прошла танковыми траками и по его семье, и по его фамилии. Отец, красный командир, погиб на фронте. Русский по национальности, он унаследовал фамилию КурАнцов, с ударением на «А». И Виктор Григорьевич с младшим братом Алексеем в первые годы жизни писались так же. «Е» в документах появилось после войны, в голодном 46-м.

Мать, доведенная до отчаяния опухшими от недоедания лицами ребятишек, утаила ведро колхозной картошки. Мелкой. Мерзлой. Покрытой белой плесенью. Десять лет Колымы – такой оказалась цена.

Детей «врага народа» приютила дальняя родня. А подкармливала вся деревня. Кто луковицу принесет. Кто пару картофелин. Но к весне бесхлебица одолела всех. В погребах и клетях остались одни мыши. И тогда сердобольные деревенские бабы научили старшего из братьев: «Твой батька был большевик. Иди в райком!» И объяснили, как найти в райцентре дом с мудреным названием.

Витек пошел. Босиком. По холодной весенней грязи. Ослабевшего Лешку пришлось нести на спине. Самому – пять, брату – три. Нес несколько километров. Таким был первый рекорд Куренцова.

В темном коридоре райкома голодные дети столкнулись с молодым высоким мужчиной. В руках у него была буханка ржаного хлеба. Витек выдавил: «Дядя, дай хлебца!» Незнакомец присел на корточки и стал кормить детей, отламывая от буханки кусочек за кусочком. Младший из братьев не мог жевать. В три года он оставался беззубым на почве хронического недоедания. Витек разжевывал хлеб и кормил Лешку. Пока чумазные ребятишки ели, стараясь не уронить ни крошки,

благодетель, посланный судьбою, успел осторожно выяснить, чьих они будут, откуда пришли. Потом подхватил младшего, прикутав полою военной шинели, взял за руку старшего и, вызвав машину, повез в детский дом.

Детей разлучили. Младший был направлен в учреждение для самых маленьких. Старший стал стопятидесятым приемным в своем детдоме. На сирот, его окружавших, было страшно смотреть. Вырванные у смерти в концлагерях, многие из них так и не смогли оправиться. Истощенные, больные малокровием, медленно угасали. А Витек, даром что малолетка, даже взрослым старался помочь там, где хватало силенок. Колот дрова. Косил траву. Навострился бегать к столяру. Но больше всего его тянуло в детдомовскую кочегарку.

Дядю Федю, пожилого, слабогрудого кочегара, все жалели. А Витек относил ему часть своей пайки. Тайком, потому что воспитатели строго следили, чтобы скудный рацион голодного времени уходил по назначению. Кочегар всегда плакал, получая бесценный подарок от сироты. И никогда не ел хлеба при мальчишке. А когда умер, у него под подушкой нашли те самые сухарики. Как он хотел ими распорядиться, осталось тайной. Может быть, сиротский хлеб просто не шел в горло.

В ореоле всемирной славы Виктор Григорьевич решил навестить детский дом, который подарил ему вторую жизнь. Собрал в чемодан 150 золотых медалей по числу воспитанников и поехал на малую родину. Но показать их было некому. На месте прежних построек остались одни фундаменты.

Великий спортсмен нашел старенькую учительницу и завхоза в таких же преклонных годах. Втроем они пошли посмотреть на клен, который, мальчишкой, он посадил на заднем дворе детдома. Дерево сохранилось. Виктор Григорьевич развесил на его ветвях свои награды и сказал, обращаясь в прошлое: *«Когда-то нас было здесь 150. Я соревновался за всех. И каждому завоевал по медали»*. Так стояли они и плакали втроем. Олимпионик, сотрясатель трибун, и простые люди от земли, главным чемпионским достижением которых были спасенные подранки войны.

Это с их слов в далеком 46-м сирота узнал имя своего благодетеля. Жизнь повернулась так, что с годами случайная встреча с будущим лидером республики переросла в прочные отношения взаимной симпатии. Машеров поздравлял Куренцова с победами на помосте. А Виктор Григорьевич никогда не забывал вкуса машеровского хлеба и называл своего спасителя не иначе, как крестным отцом...

Владимир ФАКЕЕВ